

К. ПЕТРОВ-ВОДКИН.

Матери.

А вот — превосходный разговор двух юных мучеников гуты:

— Филька, бросимся, брат в реку,
То ли дело — умер — спи!
— Разя можно человеку
Подышать так... потерпи!
Это нам внушают черти,
Мы их слушать не должны,
За грехи отцов до смерти
Нам страдания суждены.
— Бреешь, дурень, — это сказки,
Как я слышал, и обман;
Их придумал для острастки
На досуге поп Иван.
Так бежимте в даль, в трущобы,
К злым индейцам в хутора!
— Не послушали нас кто бы,
Слышишь, идут мастера!

Этот отрывок превосходен и в том отношении, что прекрасно передает положение рабочих подростков, и в том отношении, что столь же прекрасно воспроизводит детскую психологию. Разве не характерно это причудливое смешение отчаяния, детских мечтаний об индейцах и пробуждающегося здорового скептицизма к убаюкивающим песенкам господствующих классов?

Не следует, однако, думать, что Нечаев сразу выступил, как последовательный пролетарский поэт. И в области литературы сказывается открытый Марксом закон постепенности превращения пролетариата из класса по отношению к другим в класс для себя. Нечаев выступил, как певец рабочего горя, но не как поэт, проникнутый классовым сознанием. В его ранних стихах часты жалобы на бессилье.

Темн я, как ночь темна.
Шибче воет от бессилья
Грудь досадами полна.

Нечаев долго не признавал, откуда следует ждать спасения рабочему. Временами он надеялся смягчить сердца представителей господствующих классов:

О, блявни судьбы! В блаженстве утопая,
Дойдет ли слух до вас, что в эту ночь
У вашего окна сироты, замерзая,
Как бога самого, просили вас помочь!

Однако, объективные условия жизни рабочего неизбежно толкали его на путь сознательной борьбы с господствующими классами. Первые ростки классового сознания и борьба их с забитостью, с рабской покорностью ярко изображены Нечаевым в характерном стихотворении «Думы» 1891 г.:

Каждый день одно и то же,
То же кресло и горшок,
На работе лезь из кожи, —
От нужды и на вершок.
Та же нищенская плата,
За труд — кровавый пот;
Те же голод и заплаты,
И заботы полный рот.
Та же гута, как темница,
Держит нас в своем плену,
Те же жареные лица.
Тот же оклик: „ну же, ну“!
И средь грохота и шума,
Что и как, не разберешь,
Сетью спутанные думы
Не разряжешь, не порвешь
Ведь не день, не два, а годы
В даль уходят чередой.
Так когда же дни свободы
Нас порадуют собой?

Революцию 1905 года он уже встретил, как певец борьбы. Вот как формулировал он задачи своей поэзии в 1903 году:

...Звуки песен для меня
Нужны, как свет и росы полю, —
Они из чувства и огня
Рабу выковывают волю.

Нечаев встретил победу революции на грани шестого десятка. Так велики были пережитые страдания, так долог был мучительный путь борьбы, что сразу старик не поверил победе:

Милый внук, да правда ль это,
Что допочут у ворот?
Не лукавит ли газета,
Не пытаются ли народ?
Разя можно и так скоро
Вырвать с корнем? Нет, мой друг
У него сильна опора:
Войска много—верных слуг...
...Говоря, взглянул в окошко,
Гнев к минувшему тая,
Обомлел: — Пимоня—крошка,
Ушипни! Не сплю ли я?

В послеоктябрьских стихах Нечаева замечательно прежде всего коренное изменение подхода к производству и труду.

Когда-то обездоленный и придавленный гуттой, — Нечаев проклинал ее:

Мне тебя не забыть никогда
Многоглазая, с огненной пастью.
Где бы ни был, везде и всегда
Я в твоей, прокаженная, власти.
Я ли влился в тебя, или ты
Зверообразом втиснулась в душу.
С малых лет пепелила мечты
И кошмаром в объятиях душишь!
Пусть тебя восхваляет другой
Лишь затем чтобы выбраться в „люди“,
Пред толпой изгибаясь дугой,
За столом пред изысканным блюдом.

Совершенно иначе подходит к гуте Нечаев теперь:

Не ты ль, припомни, застенок гута,
Была горнилом невзгод и муки?

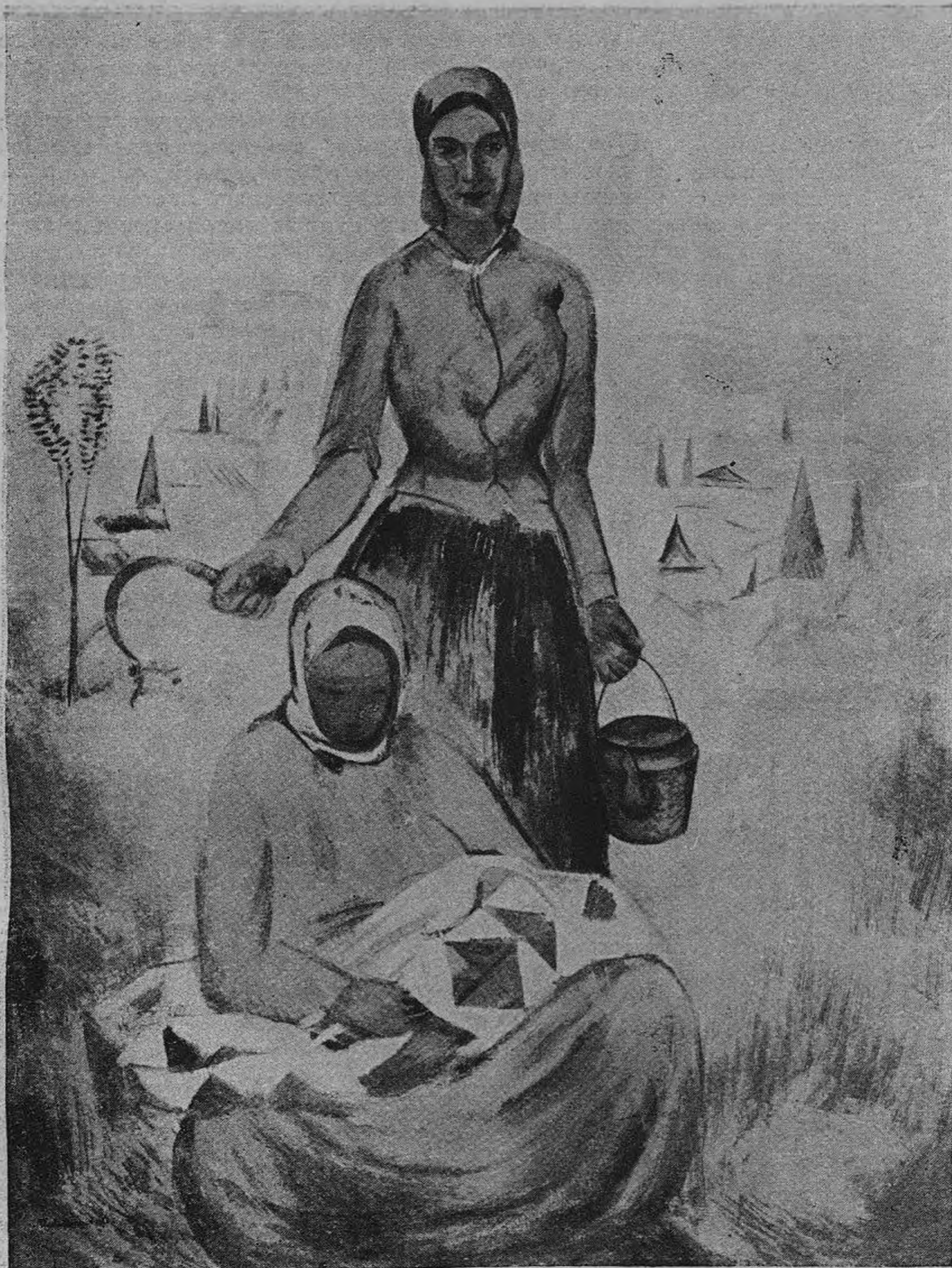
ВЫСТАВКА „4 ИСКУССТВА“. Фот. В. Савельева.

Н. САРЬЯН.

Пейзаж.

ВЫСТАВКА „4 ИСКУССТВА“.

ПАВЕЛ КУЗНЕЦОВ.

Крестьянки.

Давила душу стоногим спрутом,
Вязала мысли, ковала руки?
Не ты ль шумела и дни и ночи,
Грозой проклятой и бурей гнева?
Промчалось лихо, голяк-рабочий
Из склепа создал дворец-угреву.

Это изменение подхода Нечаева к труду отражает такое же изменение, произошедшее в психике всего пролетариата. Пролетариат, ставший хозяином производства, начал относиться к нему любовно и радостно, в то время, как при капитализме труд был для рабочих масс проклятием. Этот всемирно-исторический сдвиг неоднократно отмечался Лениным. Стихи старого поэта гутаря — яркое выражение этого сдвига.

Покинув гуту еще в 1916 г., Нечаев стал жить исключительно литературным трудом. Лишения первых лет революции, заботы о хлебе, дровах и т. д. тяжело отразились на старике-поэте. В 1921 г. он писал в своей автобиографии: «Здоровье плохое, ноги плохо слушаются, огонька былого и не заманишь. Вообще жизнь духовная моя почти закончена и только физически я влачу жалкое существование».

Однако, эти пессимистические выводы были преждевременны. Чуть полегче стало жить, и Нечаев приободрился, принял участие в организованном пролетарском литературном движении. Мало того, он нашел в себе творческие силы перейти к новому для него литературному жанру. За последнее время он усиленно работал в области художественной прозы, реализуя таким образом свой богатейший запас наблюдений.

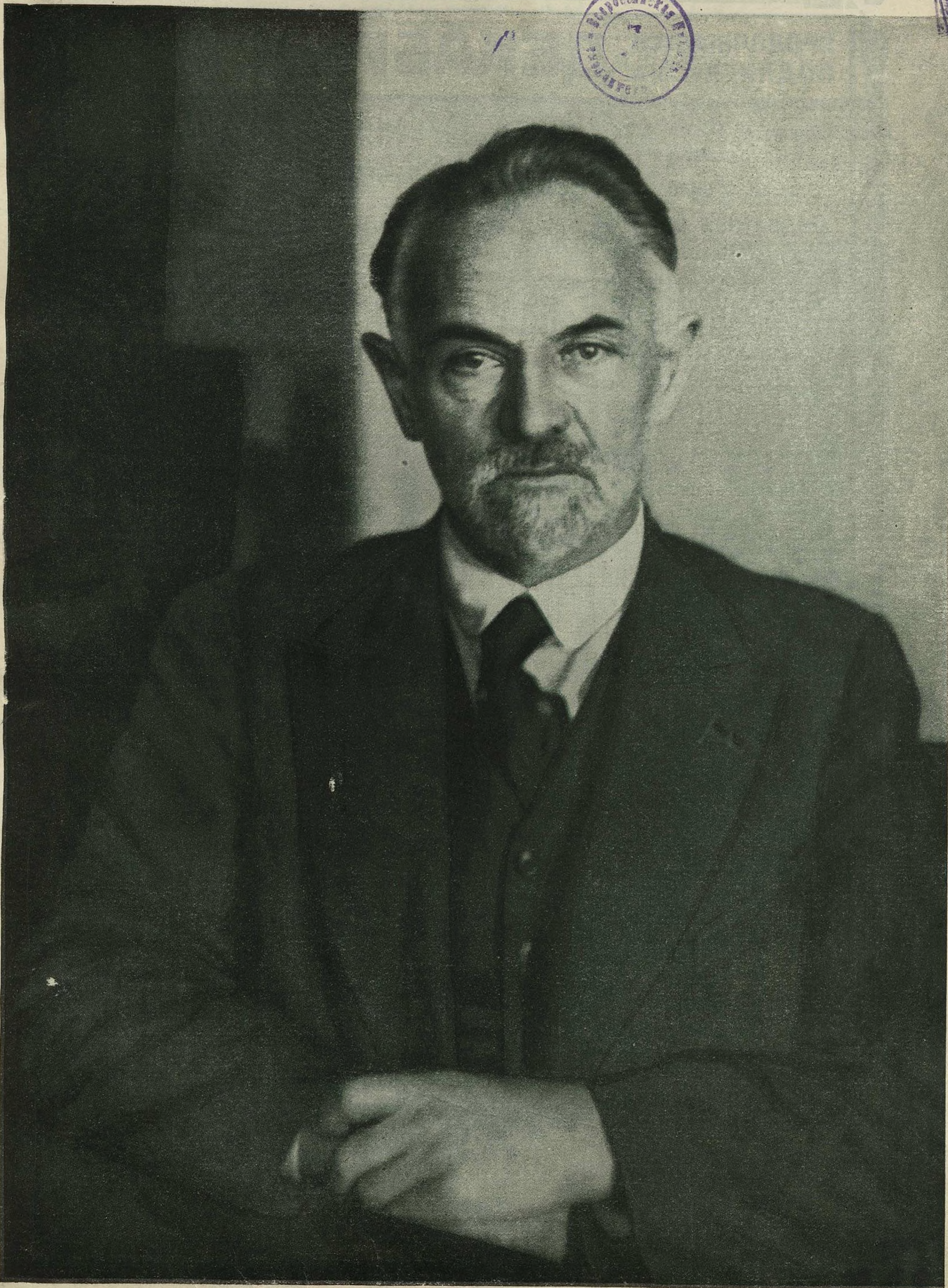
За последнее десятилетие рабочий класс выдвинул певцов, значительно более совершенно владеющих мастерством поэзии, более разносторонних и широких по захвату. Нечаев пробивался в литературу в чудовищно неблагоприятных условиях. Он воспринял формальные традиции эпигонов народнической поэзии. От них, от дряблых наследников дряблого Надсона, — вялость и бледность нечаевского стиха, банальность образов, неряшливость рифм, случайность словаря. Но эти серьезные недостатки с избытком покрываются большой общественной значительностью содержания, глубокой искренностью и эмоциональной насыщенностью стихов Нечаева. Особенно удавались Нечаеву полуэпические фрагменты балладного типа („Безработный“, „Больной“), и очень жаль, что тяжелые обстоятельства не дали развиться беспорному эпическому дарованию Нечаева.

Безыскусственные и искренние песни старого гутаря — бесценный памятник первых шагов пролетарской поэзии и первых шагов рабочего движения. Если к Пушкину гениальный поэт дворянства обратился со словами:

Тебя, как первую любовь,
России сердце не забудет, —

то с такими же словами может российский пролетариат обратиться к своему первому поэту.

П Р О Ж Е К Т О Р

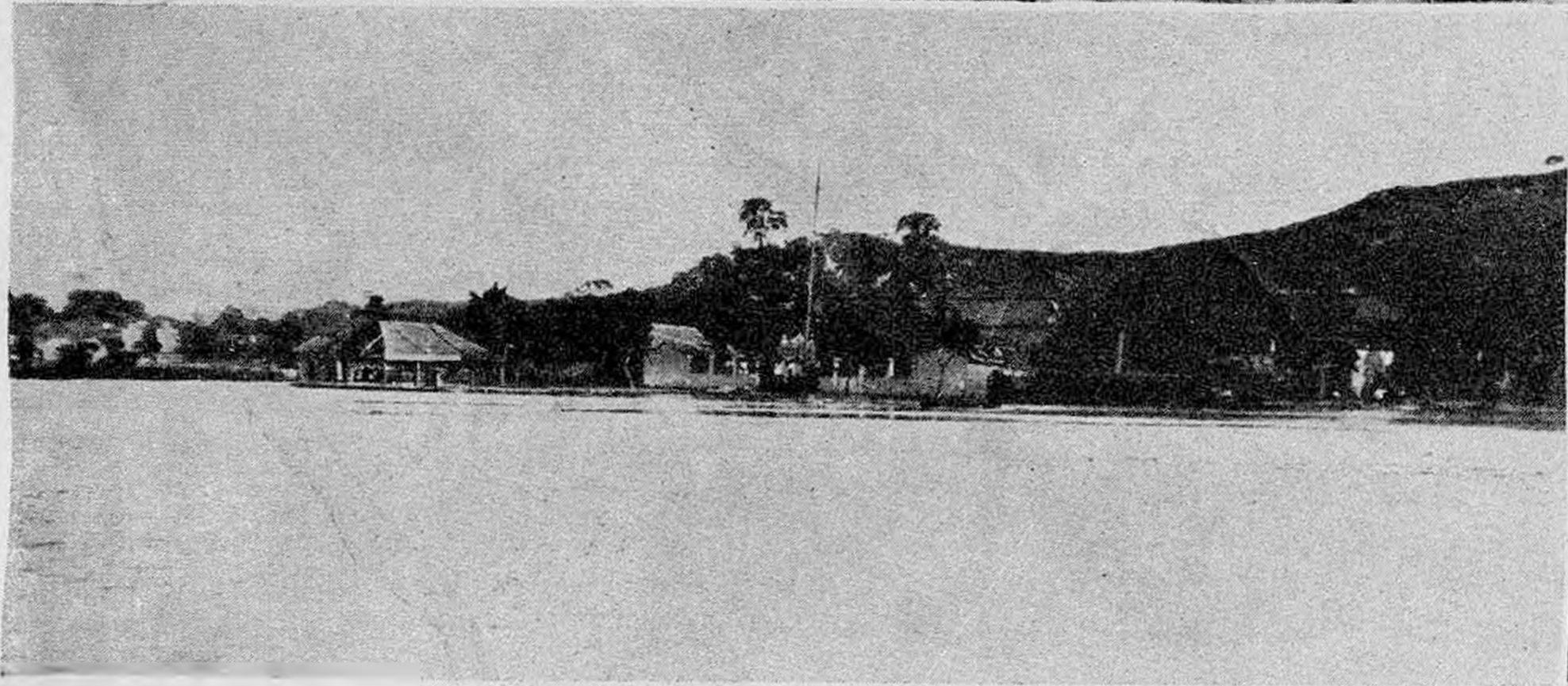
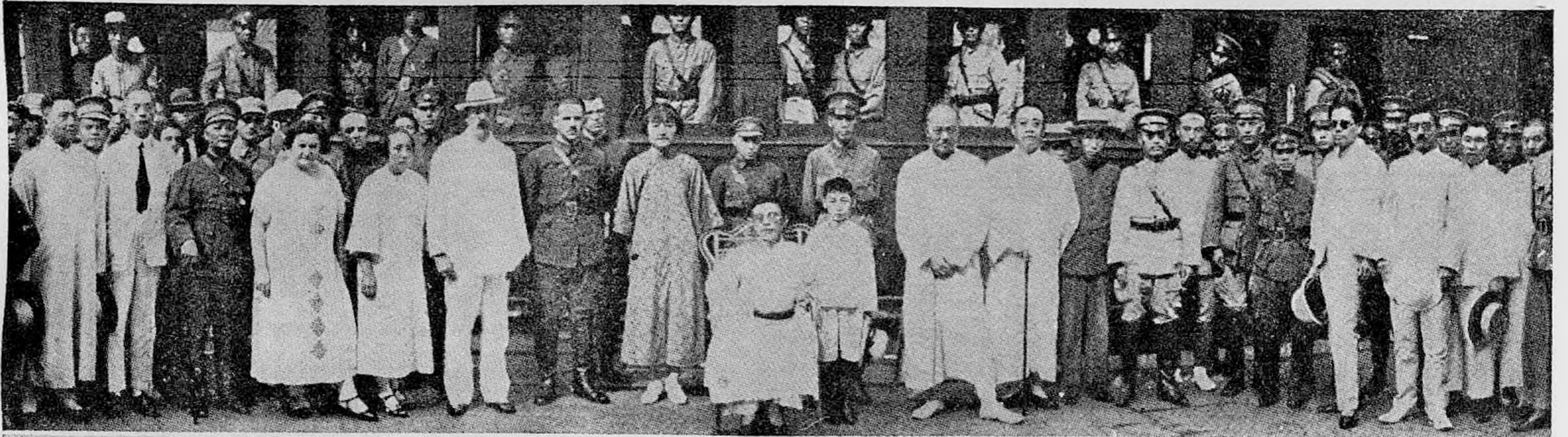

Леонид Борисович Красин.

Фот. С. Красинского.

В РЕВОЛЮЦИОННОМ КИТАЕ.

В провинциях Китая, подчиненных Кантонскому правительству, торжественно была отпразднована 9-я годовщина Октября. Трудящиеся массы Китая под руководством Гоминдана, борющиеся за освобождение Китая из цепких лап иностранных империалистов, не даром с таким энтузиазмом приветствовали годовщину великой революции. Их собственная борьба заставляет их равняться на нашу революцию, и сейчас трудящийся Китай стихийно пробуждается. Китайские крестьяне так же поднимаются при приближении народно-революционных армий,

как подымались наши крестьяне против Колчака и Деникина, когда подходили Красные полки. И уже становится ясным, что их борьба наносит решительные удары мировому капитализму, его стремлению получить сверх-прибыли за счет сотен миллионов колониальных и полуколониальных рабов. На снимках: члены Кантонского правительства, их родные и гости на вокзале в Кантоне. Ниже — китайские пионеры; вид на остров Вампу, где находится знаменитая военная школа. Внизу — рабочие идут на фабрику. Справа — генерал Чан-Кай-Ши.